

Российская газета - Федеральный выпуск № 4841 от 4 февраля 2009 г. Кризис не навсегда.

Яков Миркин: *Этот кризис не смахнуть, как паутину с лица. Он наш первый, настоящий, циклический, из разряда мировых, завершающих глубокой коррекцией длинные циклы в 30-35 лет. С этим кризисом придется научиться терпеливо жить и с ним работать.*

Ни завтра, ни послезавтра не поднимутся цены на нефть, не заработает, как хотелось бы, в полную силу экспортный движок российской экономики. Мировые цены на все важнейшие виды сырья, которые росли с 2000 года, достигли небывалого взлета в первой половине прошлого года, а затем началось обвальное обрушение по всем секторам товарного рынка.

Размах взлетов и падений цен огромен. Кто в марте 2007 года мог предположить, что цены на пшеницу к февралю 2008 года увеличатся в 2,6 раза, чтобы нынешней зимой вернуться к стартовому уровню? Что цены на нефть вырастут вдвое, а затем к зиме от них останется одна треть? И, наконец, что цены на сталь в прошлом году совершат такие же кульбиты? При удешевлении в разы цветных металлов.

В обычные времена такие колебания длятся год-другой. Так было за последние двадцать лет с нефтью, сталью, алюминием, никелем и многими другими статьями экспорта. Но значит ли это, что и на этот раз ждать осталось годик-полтора и все идет по обычному сценарию, много раз пройденному в Латинской Америке, Азии и Африке? Этот же сценарий был воспроизведен и в России в 1998 году, когда обрушение цен на нефть вызвало дефолт. Однако уже в 1999 году начался подъем экономики в меру оживления ценовой конъюнктуры. Похоже, что этот сценарий неосуществим. Аналоги нынешнего кризиса для России можно найти только в XIX веке. В декабре промышленное производство в США и еврозоне уменьшилось на 8% (к декабрю 2007 года), строительство в США - на 14%. Ничего подобного в США не было с 1945 года (переход с военной на мирную продукцию). И это не предел.

До кризиса мы росли быстрее, чем индустриальные страны, но падать должны тяжелее и с травмами. Придется решать "проклятые вопросы": как удержать социальную стабильность в 2009-2010 годы, досыта накормить население, быстрее нащупать дно, чтобы снова расти? Не допустить "великих депрессий", когда за три года от промышленности США осталась ровно половина. Потом восстанавливались четыре года.

В январе отечественная экономика вступает в новую фазу кризиса. Первая фаза прошла в сентябре - октябре прошлого года: системный риск банковской системы, разрушение финансового рынка, начало скольжения вниз реального сектора. Во второй фазе (ноябрь - декабрь) началось сжатие реальной экономики, набрала скорость, "приватизация" валютных резервов государства (с сентября сократились на 30%). Они были перекачаны в частные валютные активы, без ощутимого сокращения валютных долгов банков и бизнеса, нависших над экономикой. В декабре спад российской промышленности продолжился (минус 10,3%). Просадка в химии и промышленности строительных материалов - 25-35%, в металлургии - 35-45%, в машиностроении - 30-90%. Более-менее устойчиво производство продовольствия и других товаров для населения. Здесь минусы в

объемах - 5-20%. Лучше всего в нефтегазовой отрасли (до 5-7%).

Третью, январскую фазу кризиса открыли скачок потребительских цен на 20-30% (на лекарства и продовольствие, на проезд в транспорте, коммунальные тарифы), сокращение железнодорожных перевозок на 35% и девальвация рубля на 20%. Неизбежное следствие - новый виток инфляции и долларизации экономики, несмотря на усилия Центробанка. Риски переплетения кризиса реального сектора со второй волной банковского.

Что дальше? Индустриальные страны - США, ЕС и Япония прогнозируют падение экономик в этом году на 1-2,5%. Притормаживает Китай. Это значит, что спрос на российское экспортное сырье уменьшится еще больше, за этим последует дальнейшее падение его производства, новая девальвация рубля, закачка всего живого в валюту, потеря валютных резервов, приближение к гиперинфляции.

При таком развитии событий только монетарные лекарства - не панацея. Курс рубля, торговый баланс, ликвидность банков не являются магическими средствами, способными вытащить экономику. Урезание расходов на 15-30%, чем сейчас занимается вся страна, и жесткая денежная политика Центробанка воспроизводят сценарий, в котором внешний спрос будет бороться с внутренним за то, кому ниже упасть.

Выход - в адресном увеличении внутреннего спроса (госзаказ, общественные работы, рефинансирование коммерческих банков под кредиты реальному сектору, через спецсчета). Осенью было рано, а сейчас придется думать об обязательной продаже валютной выручки, чтобы закончить с растратой валютных резервов. О приостановке рынка валютных деривативов, играющего против рубля. Населению все больше требуются адресные ограничения цен на лекарства, продовольствие, коммунальные услуги, транспорт. Розничные цены не эластичны к падению спроса. Жадность тех, кто их назначает, знаменитая жадность, доведшая мир до кризиса, беспредельна.

Но есть ли другие сценарии, с хеппи-эндом? С быстрой победой добра над силами тьмы? Прелесть кризисов в том, что иногда тучи разлетаются в один день, опровергая самые мрачные предсказания. Прогнозы инерционны, не успевают схватить все факты жизни. Кто в сентябре 1998 года мог угадать, что впереди десять лет непрерывного роста? Что начнется это уже через два месяца? И кто сегодня, считая будущие минимумы, может увидеть действительную динамику событий?

Но, понимая, что все еще впереди и пространство выбора лежит между крайними сценариями, мы обязаны здесь и сейчас затвердить уроки кризиса 2007-2009 годов. Они просты. Посткризисная модель экономики не может быть производной от цен на сырье и денег нерезидентов. Она не может возродиться как система откупов, латифундий и казенных монополий, основанных на низком уровне жизни и вывозе капитала. Сто лет одиночества по латиноамериканской модели - это не выбор для России.